

КОНФЛИКТНЫЕ ЗОНЫ ЭВАКУАЦИИ В СССР И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ (1941–1945 гг.)

М.Н. Потемкина

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск,
mpotemkina@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из аспектов эвакуации населения в СССР в годы Великой Отечественной войны и его пребывания в советском тылу. На основе архивных материалов и источников личного происхождения рассмотрены причины и объекты конфликтов между эвакуированными и властью, между эвакуированными и коренными жителями тыловых регионов страны. Показано, что основными объектами конфликтов стали: запретительные меры на эвакуацию и реэвакуацию, жилищные проблемы, разница в уровне доходов, социальные, национальные различия, стереотипы взаимовосприятия. Прослежены способы преодоления конфликтов: административные, репрессивные, вербальные. Сделан вывод о том, что масштабная эвакуация населения, осуществлённая в экстремальных условиях войны, привела к усилению конфликтности в прифронтной зоне и в советском тылу, но поиск путей разрешения конфликтов заставлял власть перестраиваться, а людей – учиться межличностному диалогу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, конфликт, эвакуация, протестные практики, межличностный диалог

Введение

Великая Отечественная война сопровождалась в СССР массовыми потоками миграции, основной формой которой стала эвакуация, вынужденное перемещение людей из зоны, оказавшейся под угрозой оккупации, в регионы советского тыла с целью безопасности.

В эвакуационном процессе сочетались элементы организованности и стихийности. Эвакуация не была подготовлена, но необходимость ее уже в первые дни войны стала очевидной и диктовалась следующими причинами: скоростью продвижения противника по территории СССР, оккупационной политикой на захваченных территориях, направленной на массовое физическое уничтожение населения.

Многогранный исторический опыт массового перемещения людей и их вживания в социум на новых местах жительства в условиях ведения государством тотальной мировой войны является и сегодня актуальной темой для исследователей.

Потемкина Марина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.
E-mail: mpotemkina@mail.ru

Сопровождающие жизнь человека повсеместно конфликтные ситуации имеют тенденцию проявляться в более жестких формах в экстремальных условиях военного времени. Конфликт есть качество взаимодействия между людьми (или элементами внутренней структуры личности), выражающееся в противоборстве сторон ради достижения определенных целей¹. Объектами конфликтов могут быть материальные и духовные ценности, по поводу которых возникает столкновение интересов противоборствующих сторон. Поскольку эвакуация – это дополнительный стресс, наложившийся на экстремальные условия военного времени, то конфликты проявлялись чаще, острее, а поведение людей становилось все более непредсказуемым.

Если классифицировать конфликты по участникам, то применительно к эвакуации можно выделить следующие типы: вертикальные конфликты (эвакуированные – власть); горизонтальные конфликты (эвакуированные – местные жители).

Факторы, вызывавшие конфликты, были весьма разнообразны. Уже в процессе самой эвакуации возникали конфликтные ситуации с представителями властных структур, обусловленные недостатком или искажением информации, запретом на эвакуацию для отдельных категорий населения, отказом в помощи эвакуироваться. Иногда эвакуация принимала форму панического бегства, провоцирующего межличностные конфликты.

По прибытии на новые места жительства люди сталкивались с настороженностью местных жителей. «Местное население относилось к приезжим настороженно и называло их упрощенно-презрительно “выковыренные”», – вспоминает Анатолий Брискер². Бинарную оппозицию «свой – чужой» можно выделить практически в любую эпоху в любой стране. В мифологическом пространстве существуют сакральный центр и потенциально враждебная периферия – это универсальный психофизический механизм³. Такая мифологизация общества возрастает в периоды войн и других бедствий, поскольку играет роль своеобразной компенсации за тяжелые условия существования.

Материально-бытовые трудности, которые испытывали эвакуированные на местах нового проживания, не только отражались на здоровье людей, но и влияли на их психологическое состояние и поведение. Отсутствие самых необходимых вещей, конфликты с домовладельцами, непривычные климатические условия, неприспособленность многих эвакуированных горожан, попавших в сельскую местность, к специфическим условиям деревенской жизни – все это служило почвой для конфликтов. Кроме того, катализаторами конфликтов становились социальные и национальные различия, уровень общей культуры, личностные черты конкретных людей и т. д.

В конце войны причиной конфликтов эвакуированных с властью стали запретительные меры на реэвакуацию для ряда категорий населения, а также ошибки руководства страны в конверсионной политике.

Типы конфликтов с участием эвакуантов формировались в зависимости от конкретных хронологических отрезков военного времени: процесс эвакуации, проживание в тыловых регионах, реэвакуация.

¹ Анцупов, Шипилов 2001, 61.

² Брискер 2009, 50.

³ Квакин 2001, 102–108.

Конфликтные зоны между властью и эвакуированными были связаны с прямыми запретами, неоказанием помощи или несправедливыми (с точки зрения народной морали) привилегиями в процессе эвакуации людей, оказавшихся в опасности; потерей права на жилище; репрессивными мерами за распространение информации, идущей вразрез с официальной; запретительными мерами на реэвакуацию отдельных категорий населения.

Процесс перемещения из прифронтовой зоны в тыловые регионы СССР промышленного оборудования, культурных ценностей и населения начался с первых дней войны. Уже 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был создан Совет по эвакуации. Вскоре был принят ряд документов, регламентирующих этот процесс.

Предметом конфликтов между властью и людьми на этом этапе стала сама возможность эвакуации людей, оказавшихся в прифронтовой зоне. В принятых руководством страны документах, регламентирующих порядок эвакуации, совершенно четко прослеживались главные задачи организации перемещения людей: спасение человеческих жизней и обеспечение рабочей силой оборонных предприятий страны. Организовано вывозились коллективы промышленных предприятий, учреждений, семьи номенклатурных работников, семьи высшего командного состава Красной Армии, столичная научная и творческая интеллигенция, дети с детскими домами и детскими учреждениями. Преференции были созданы для работников промышленных предприятий (прежде всего оборонного значения) и для работников номенклатурных должностей и их семей, что было оформлено секретными постановлениями ЦК партии и Президиума Верховного Совета СССР. Никаких указаний касательно национального признака в документах об эвакуации не содержалось.

Остальные категории населения прифронтовой зоны, оказавшись предоставленными самим себе, вынуждены были самостоятельно принимать решение об отъезде и организовывать его. На некоторых территориях власти не информировали граждан об опасности, на других официально запрещали самостоятельную эвакуацию под угрозой уголовного преследования. Эскалации конфликтов среди населения в прифронтовой зоне способствовали безвластие, паника, отсутствие объективной информации, нехватка транспортных средств и т.д.

Уезжая в эвакуацию, люди оставляли дома и квартиры, надеясь, что вскоре вернуться. Бытовая неустроенность на новых местах проживания подогревала эту надежду. Но постановление СНК СССР от 16 февраля 1942 г. узаконило изъятие жилой площади местных советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на восток. Оставленное в квартирах имущество могло быть возвращено хозяевам, передано родственникам, продано через комиссионные магазины. Постановление не распространялось на частный жилой сектор. Некоторые исключения были сделаны также для жителей столичных городов – Москвы и Ленинграда⁴.

Таким способом власти хотели закрепить людей на новых местах работы и создать возможность использовать пустовавшие квартиры. Ведь из-за связанных с войной разрушений в освобожденных и прифронтовых районах резко сократился

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 137. Л. 68, 70.

жилой фонд. Реализация постановления лишала эвакуированных возможности в будущем вернуться на прежнее место жительства и вызвала бурное недовольство. Протестные практики проявились в написании жалоб, в попытках самовольной реэвакуации, отказах от выхода на работу.

Тезисы о беспощадной борьбе со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов⁵ неоднократно звучали из уст первых лиц государства уже с первых дней войны. 6 июля 1941 г. эти положения были законодательно подкреплены Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». В соответствии с этим документом виновные должны были осуждаться военным трибуналом и наказываться тюремным заключением на срок от 2-х до 5-ти лет⁶. Было возможно и более строгое наказание, если власть считала, что содержание слухов включало в себя «высказывания контрреволюционного характера»: в этих случаях виновные привлекались к ответственности по статьям УК о контрреволюционных преступлениях. Эвакуированные чаще других, в силу большей информированности, попадали под пресс репрессий. Шедшие вразрез с официальной информацией рассказы эвакуированных власть расценивала как «антисоветские слухи». Так, гражданка Гросс, эвакуированная из Цехановиц в Татарстан, рассказывала, что население западных областей СССР «было настроено против Советской власти», а «германские самолеты сбрасывали <...> шоколад и конфеты»⁷.

В апреле 1943 г. в г. Нижний Тагил Свердловской области к 8-ми годам исправительно-трудовых работ был приговорен эвакуированный М.С. Василенко. В вину ему вменялись высказывания о «лучшем вооружении и дисциплине в немецкой армии по сравнению с советской»⁸. Впоследствии Василенко был реабилитирован.

Многочисленные конфликты на территории советского тыла возникали между местными жителями и прибывшими в эвакуацию людьми. Какие же жизненные блага становились предметом конфликтов? Во-первых, жилье. Прибывшие в эвакуацию чаще всего расселялись путем уплотнения в дома и квартиры местных жителей. Проверка, проведенная в Воткинске зимой 1941–1942 гг., показала, что около 60% семей эвакуированных, размещенных в частных домах, находились в недружелюбных отношениях с хозяевами⁹. Сохранились источники, донесшие до нас многочисленные факты незаконного выселения из квартир и взимания непомерно высокой квартплаты с эвакуированных¹⁰.

Поводом для конфликтов также стал уровень заработной платы. При разработке нормативных документов, регламентировавших эвакуацию населения, работники эвакуированных предприятий были выделены в отдельную категорию¹¹. На время эвакуации и до пуска производства на новом месте за рабочими полностью сохранялась заработная плата, оплачивалась стоимость проезда и провоза

⁵ Сталин 1950, 26.

⁶ ГКО постановляет, 17.

⁷ Кабирова 2011, 353.

⁸ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 38546. Л. 3, 4, 13, 63.

⁹ ЦГА УР. Ф. Р-755. Оп. 1. Д. 7. Л. 197.

¹⁰ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 2. Д. 262. Л. 11.

¹¹ ГАРФ. Ф. 259 сч. Оп. 40. Д. 3022. Л. 36.

багажа, суточные и «подъемные». Дополнительные льготы предусматривались для столичных жителей¹². В результате на ряде промышленных предприятий работники, имеющие одну и ту же квалификацию, выполняющие одну и ту же работу, получали разную заработную плату. Это, естественно, вызывало недовольство местных рабочих и приводило к конфликтам и расколу трудовых коллективов на «коренных» и «эвакуированных»¹³. Попытки уравнивания зарплат нередко усиливали антагонизм, поскольку некоторые кадровые рабочие ведущих столичных предприятий воспринимали эвакуацию как понижение в должности и лишение их законного права на справедливую зарплату¹⁴.

В обстановке тяжелой борьбы за выживание и постоянного стресса поводами для конфликтов становились национальная принадлежность, столичная прописка, социальный статус. Наплыв эвакуированных в тыловые города имел своим следствием ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки, жилищный кризис, рост цен на колхозных рынках и т. д. Массовое сознание коренных жителей зачастую связывало все эти трудности с приездом «чужаков» («понаприехали тут...») и обрушивало на них волну негодования. Неприязнь была особенно заметна в сельской местности. Дети войны вспоминают: «москвич было бранным словом, *москвич сраный...*», «они нас очень не любили... черт вас принес...», «главное, что я запомнил, что меня страшно били каждый день по дороге из школы», «председатель колхоза посмотрел на нас с мамой и сказал: а на что они нам, они же пахать не могут...»¹⁵. Эскалации конфликтов способствовало ухудшение обстановки на фронтах. «По Ташкенту ползли разговоры, что необходимо учить английский язык <...> В случае поражения, что будет в Узбекистане? Все говорят, что «начнется резня». Резать будут узбеки, резать будут русских и евреев <...> Разговоры о еврейских погромах звучали постоянно»¹⁶.

Иллюзорные представления друг о друге выстраивали стену неприязни и непонимания уже в момент приезда беженцев в города и села глубокого тыла. Нередко прибывшие считали себя людьми более высокого уровня культуры, а местное население безграмотным, злым, недоброжелательным и политически неблагонадежным¹⁷.

Освобождение западной части страны от оккупации и последовавшая победа советского народа в Великой Отечественной войне позволили начать реэвакуационный процесс. Абсолютное большинство вынужденных мигрантов воспринимали свое пребывание в эвакуации как временное и, получив возможность выезда, старались воспользоваться ею. Власть на законодательном и организационном уровнях регулировала реэвакуационный процесс. Запреты диктовались интересами государственной обороны, максимально возможным объемом транспортных перевозок, состоянием вокзалов, железнодорожных станций, жилого фонда в освобожденных районах страны¹⁸.

¹² РГАЭ. Ф4372. Д. 302. Л. 1–4.

¹³ Летопись Челябинского тракторного (1929–1945) 1972, 231.

¹⁴ Потемкина 2012, 498–505.

¹⁵ Эвакуация [Видеозапись] Документальный 2005.

¹⁶ Громова 2002, 162–163.

¹⁷ Хейфе 2009, 133.

¹⁸ Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. 1995, 381.

Некоторые эвакуированные, не получившие официального разрешения на выезд, пытались защитить свои права с помощью как пассивных (жалобы), так и активных протестных практик. Жалобы чаще всего оформлялись в виде коллективных писем, адресованных на имя Сталина или в Приемную Президиума Верховного Совета СССР¹⁹. Люди в качестве доводов приводили, прежде всего, свое желание воссоединиться с родными и близкими, оставшимися в западных областях СССР. Тем более, что их семьи не получали помощи и льгот от государства, так как не являлись семьями военнослужащих. Одним из аргументов было и то, что на местах прежнего местожительства остались квартиры, имущество, а в эвакуации, как правило, условия жизни были гораздо хуже²⁰. Активными формами протеста были сознательные нарушения трудовой дисциплины, невозвращения работников из командировок, дезертирство рабочих и служащих с предприятий и учреждений²¹.

Какие факторы позволяли переводить конфликты в конструктивное русло? Во-первых, война была общим горем, необходимость спасения Отечества объединяла людей. Во-вторых, огромные физические и умственные нагрузки не оставляли времени задуматься над своим психическим состоянием. Уже не шла речь о качестве жизни, главной ценностью становилась сама жизнь²². В-третьих, особенностью менталитета россиян всегда были общинность и коллективизм, а в годы советской власти они культивировались на уровне официальной идеологии. «Чувство локтя» помогало людям преодолевать невзгоды. В условиях военного лихолетья усилилось ощущение национальной²³ и профессиональной идентичности. Постепенное узнавание друг друга местных и эвакуированных ломало стереотипы и учило толерантности. Интересно, что дети, попав в незнакомую среду, легче адаптировались и тем самым помогали взрослым выйти из зоны конфликта²⁴. Война научила власть идти на уступки и действовать не только насильственными-репрессивными методами, но и использовать инструменты социальной помощи наименее защищенным слоям населения.

Заключение

Массовая эвакуация населения, осуществленная в СССР в годы Великой Отечественной войны, с одной стороны, усилила степень конфликтности в прифронтовой зоне и в советском тылу, с другой стороны, возникавшие противоречия заставили власть перестраиваться, а людей – учиться межличностному диалогу. В целом духовное единство удалось сохранить, поскольку эвакуированных и местных жителей объединяла общая национальная идея: «Все для фронта, все для победы!»

¹⁹ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 9. Д. 146. Л. 44, 53, 21–24.

²⁰ ПГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 168. Л. 16.

²¹ ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 9. Д. 146. Л. 84.

²² Громова 2002, 129.

²³ Кижнер 2009, 80.

²⁴ Эвакуация [Видеозапись] Документальный 2005.

ЛИТЕРАТУРА

- Анцупов, А.Я. 2001: *Шипилов А.И. Конфликтология*. М.
- Брискер, А. 2009: *Из Советского Союза через Россию в Соединенные Штаты (фрагменты жизни)*. СПб.
- ГКО постановляет... *Военно-исторический журнал* 3, 10–18.
- Громова, Н.А. 2002: *Все в чужое глядят окно*. М.
- Кабирова, А.Ш. 2011: *Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг.* Казань.
- Кантор, Л.Я. 2009: «Эвакуировала» свою семью. В кн.: *Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем катастрофы. СССР. 1941–1945*. Иерусалим.
- Квакин, А.В. 2001: Архетип, ментальность и оппозиция «свой – чужой» в контексте истории. В сб.: *«Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы научной конференции, 24–25 мая 2001 г.* СПб.
- Кижнер, Х. 2009: Мы назывались «гонщиками». В кн.: *Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем катастрофы. СССР. 1941–1945*. Иерусалим.
- Летопись Челябинского тракторного (1929–1945)*. 1972. М.
- Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы*. 1995. М.
- Потемкина, М.Н. 2012: Зарплата и социальная справедливость в условиях мобилизационной модели (1941–1945 гг.). В сб.: Г.А. Гончаров, С.А. Баканов (ред.), *Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века*. Челябинск.
- Сталин, И.В. 1950: *О Великой Отечественной войне Советского союза*. М.
- Хейфе, М.Я. 2009: Тогда не понимал всей тяжести ситуации. В кн.: *Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем катастрофы. СССР. 1941–1945*. Иерусалим.

REFERENCES

- Ancupov, A.Ya. 2001: *Shipilov A.I. Konfliktologiya*. Moscow.
- Brisker, A. 2009: *Iz Sovetskogo Soyuzha cherez Rossiyu v Soedinennyye Shtaty (fragmenty zhizni)*. Saint-Peterburg.
- GKO postanovlyayet... *Voенno-istoricheskij zhurnal* 3, 10–18.
- Gromova, N.A. 2002: *Vse v chuzhoe glyadyat okno*. Moscow.
- Hejfe, M.Ya. 2009: Тогда не понимал всей тяжести ситуации. In: *Evakuaciya. Vospominaniya o detstve, opalyonnom ognym katastrofy. SSSR. 1941–1945*. Ierusalim.
- Kabirova, A.Sh. 2011: *Vojna i obshchestvo: Tatarstan v 1941–1945gg.* Kazan'.
- Kantor, L.Ya. 2009: «Evakuirovala» svoju sem'yu. In: *Evakuaciya. Vospominaniya o detstve, opalyonnom ognym katastrofy. SSSR. 1941–1945*. Ierusalim.
- Kizhner, H. 2009: Мы nazyvalis' «gonshchikami». In: *Evakuaciya. Vospominaniya o detstve, opalennom ognym katastrofy. SSSR. 1941–1945*. Ierusalim.
- Kvakin, A.V. 2001: Arhetip, mental'nost' i oppoziciya «svoj chuzhoj» v kontekste istorii. In: *«Nashi» i «chuzhie» v rossijskom istoricheskom soznanii: Materialy nauchnoy konferencii, 24–25 maya 2001 g.* Saint-Peterburg.
- Letopis' Chelyabinskogo traktornogo (1929–1945)*. 1972. Moscow.
- Moskva voennaya. 1941–1945: Memuary i arhivnye dokumenty 1995*. Moscow.
- Potemkina, M.N. 2012: Zarplata i social'naya spravedlivost' v usloviyah mobilizacionnoj modeli (1941–1945 gg.). In: G.A. Goncharova, S.A. Bakanova (red.), *Mobilizacionnaya model' ehkonomiki: istoricheskij opyt Rossii XX veka*. Chelyabinck.
- Stalin, I.V. 1950: *O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo soyuza*. Moscow.

CONFLICT ZONES OF EVACUATION TO THE USSR AND WAYS OF THEIR
OVERCOMING (1941–1945)

Marina N. Potemkina

*Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia,
mpotemkina@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the studying of one of the aspects of the USSR population evacuation process during The Great Patriotic War and people staying in the Soviet rear. On the basis of archival materials and memoirs the author researches the main reasons and objects of conflicts between evacuees and authorities, between evacuees and local inhabitants of rear regions of the country. The author shows that the main objects of conflicts were: prohibitive measures on evacuation and re-evacuation, housing difficulties, income disparities, social and national differences and stereotypes of mutual understanding. The author finds out that there were administrative, repressive and verbal ways of overcoming conflicts. The author concludes that the large-scale evacuation, which was carried out in extreme conditions of war, increased tension in the Soviet Rear and frontline areas, but the ways of conflict resolution made the authorities change their policy and made people learn to live together.

Key words: Great Patriotic War, conflict, evacuation, prohibitive measures, interpersonal
